

НОВЫЙ ДИСКУРС

Ю. В. Веселов

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ПОСТМОДЕРНА

Основная идея данной статьи — показать соотношение социального и экономического в контексте глобальных социо-исторических перемен, а именно — в условиях преобразования общества традиционного в современное (или общество модерна) и современного в общество постмодерна. Сегодня в области отечественной экономической социологии появляется все больше и больше новых работ — в основном, авторы стремятся представить свой взгляд на то, какой должна быть общая теория экономической социологии¹, вопросы же исторического анализа остаются пока мало разработанными, хотя, на наш взгляд, именно экономическая социология должна заниматься этими проблемами, тесно сотрудничая с таким направлением, как экономическая история. Поэтому обращение к теме модерна и постмодерна в экономической социологии нам кажется своевременным и актуальным.

Несколько предварительных замечаний о терминологии. Само название «Экономическая социология постмодерна» совсем непривычно и звучит, может быть, несколько резко. Оправданием для него может служить уже имеющийся прецедент: в современной англоязычной литературе используется категория «political economy of post-modern» [1], почему бы по аналогии не присоединить экономическую социологию к постмодерну? Говоря о социологии модерна и постмодерна, мы прежде всего имеем в виду вопросы теории взаимодействия социального и экономического в историческом аспекте. Наибольшее значение для нас в этом исследовании имеют идеи Карла Полаanyi, высказанные им еще в 40-х годах XX столетия,² — именно ему удалось убедительно показать, что уже сегодня мы переживаем новый этап изменения в балансе соотношения социального и экономического, выявить причины этого изменения. Кстати, и сама экономическая социология как часть науки и духовной жизни общества является продуктом постмодерна — ведь только тогда, когда стали происходить серьезные изменения в процессах взаимодействия социального и экономического, наука задалась вопросом необходимости их изучения и описания.

¹ Из самых последних работ по экономической социологии см.:

Дорин А. В. Экономическая социология. Минск, 1997.

Соколова Г. Н. Экономическая социология. Минск, 1995.

Веселов Ю. В., Мацукова Т. К. Экономическая социология (учебное пособие). СПб., 1997.

Радаев В. В. Что изучает экономическая социология // Российский экономический журнал. 1994.

№ 9.

² Речь идет о работе: Polanyi K. The great transformation: the political and economic origins of our time, изданной в Англии в 1944 году.

³ По впечатлению автора, слово «modernity», так ужасно звучащее при правильном английском произношении для слуха русского человека, было едва ли не самым употребляемым на последнем мировом социологическом конгрессе в Билефельде.

Сложность постановки проблемы данной работы во многом связана с тем, что общая теория постмодерна в социологии пока еще не является до конца разработанной или более или менее ясной, хотя эта тема является одной из самых популярных сегодня.³ Сам термин «постмодерн» вызывает много нареканий, одно из них связано с тем, что приставка «пост» подчеркивает лишь продолжение предыдущего, а не его трансформацию или развитие. На наш взгляд, в данном случае как раз обратное — переход от общества модерна к новому состоянию — знаменуется глубокими изменениями сущностного порядка, хотя и происходят они медленно. Термин же «постмодерн» означает лишь некоторую нерешительность в обозначении того общества, которое приходит на смену существующему — наоборот, все «решительные» его обозначения, типа «новое индустриальное общество», или «общество третьей волны», или «технотронное общество», не приживаются вовсе и, наверное, могут считаться неудачными. Любая однозначность в таком тонком вопросе лишь добавляет неуверенности, поскольку определенное лишает определяемое многих характеристик, выделяя и подчеркивая лишь одну из них. Видимо, с этим и связана такая популярность понятия постмодерн.

Еще один терминологический вопрос, имеющий для нас важное значение — это соотношение постмодерна и постиндустриального общества. На наш взгляд, первое понятие гораздо шире второго, оно предполагает новое состояние социально-культурной сферы, общественного сознания, а не только экономических, политических и технологических факторов. Время теорий постиндустриализма — это время 50-х — 60-х годов, когда были популярны научно-техническая революция, проблемы соревнования и конвергенции двух систем, сегодня же требуется более общий, глобальный взгляд на современность и грядущие преобразования. Кроме того, важно отметить, что общество модерна началось не одновременно с развитием индустриализма, хотя индустриализм и стал впоследствии его основанием, и, видимо, вряд ли закончится вместе с ним.

Когда начинается отсчет современности? Расхождение мнений в этом вопросе весьма велико. По мнению И. Валлерстайна, общество модерна берет начало примерно 500 лет назад, тогда эпоха Ренессанса принесла в европейский мир новую ментальность, способствовала распространению рациональности и изменила религиозную этику, когда складывались новая политическая и национальная система, начиналось становление капитализма — все это заложило основания нового общества и «нового времени» в истории. С точки зрения общесоциологической теории, новое общество, или общество модерна, характеризовалось совершенно новой структурой социальной системы — это общество с разделенными или дифференцированными общественными подсистемами в рамках социальной системы. Прежде всего, религия, религиозное сознание и чувство, пронизывающее все отношения средневекового общества, были отделены от него — появилось общество как таковое или светское общество, появились наука, культура, искусство, государство, отделенные от церкви. Центральной категорией средневекового общества Г. Зиммель называл понятие «Бога», в новое время в сознании повседневности произошла глубокая трансформация — место религиозных верований и чувств заняла механическая рациональность. В категориях Э. Гуссерля это означало всеобщую «математизацию» или «геометризацию» повседневного мышления, где рацио-

нальность стала методом практики, обычный человек перестал быть «вжитым» в свою повседневность — рефлексирование, сравнение, недовольство, абстрактное стремление к изменению своей жизни ценой любых преобразований стало обычным делом. Новое стало противостоять старому, перемены стали господствовать над традицией. Теология и метафизика, в терминах О. Конта, уступали место позитивизму. Конечно, этот процесс либерализации общественного сознания был постепенным, еще долго деревенский уклад жизни был непоколебим, но центром становился город, подчиняя себе все общество. Городской образ жизни уже не так сильно контролировал сознание человека, что способствовало развитию индивидуализма, а затем и созданию нового класса людей нового времени, не зависящих ни от кого и полагающихся только на себя. Постепенно в обществе модерна социальная система отделяется от системы культуры и традиций — уже не благородное происхождение, родственные или иные связи являются значимыми, а личные действия человека, его доходы, богатство, собственность обеспечивают его место на социальной лестнице. Положение человека в обществе, по выражению К. Маркса, становится случайным — разорившийся дворянин оставался дворянином, а разорившийся капиталист капиталистом уже не является.

Но самое важное для нас, что меняет система модерна — это соотношение экономики и общества. Экономика отделяется или дифференцируется от общества, она более не является непосредственной частью общества, обеспечивающей его жизнедеятельность, она не просто обслуживает общество в целях поддержания его воспроизводства, а становится самостоятельной и самодостаточной системой, имея свои собственные цели, динамику и результаты. Экономика как простое средство к жизни становится самой жизнью общества, происходит гениальное преобразование — простое хозяйствование, обычная функция жизнедеятельности, становится отдельным занятием, которое круто переворачивает как жизнь отдельных людей, так и классов и общества в целом. В условиях крестьянского хозяйства и даже цехового ремесла трудно было найти грань, разделяющую экономические действия (работу) и семейные отношения — само хозяйство было домашним и семейным, и здесь именно тип семьи определял возможный тип хозяйствования. В новое время появилось то, что мы сейчас привыкли называть «работа» — некоторая область, отделенная от семьи, домашнего хозяйства и родственных отношений. Экономика наглядно для обычного человека выделилась в самостоятельные организации, которые стали называться фирмами (мало кто помнит, что раньше фирма буквально означала подпись, олицетворяя того человека, который был ее хозяином, мы привыкли относиться к фирме как к безликой институционализированной организации).

Постепенно трансформировалось общественное сознание, стал развиваться такой образ мыслей и чувств, который С. Н. Булгаков впоследствии назвал «психологией экономизма» — весь окружающий мир человек стал рассматривать сквозь «политэкономические очки». Мы, к примеру, считаем само собой разумеющимся, что США — высокоразвитая страна, а Индия — развивающаяся, хотя в экономическом смысле это может быть и так, но вряд ли так с точки зрения культурно-исторической. Или другой пример — крупный жулик, сумевший обманом или хитростью завладеть многими миллионами, всегда вызывает

восхищение общественного мнения, а мелкий воришка заслуживает лишь осуждения.

Постепенно этические отношения людей в экономической сфере, ранее всегда построенные по схеме «свой — чужой», когда своим всегда отдавалось предпочтение и свои всегда были гарантированы от обмана или несправедливости, стали формироваться по другому принципу: теперь уже где свои, где чужие, стало неважно. Например, если раньше согласно христианским канонам процент был совсем запрещен (поэтому-то ростовщиками в средние века становились нехристиане), то теперь процент был не только разрешен, но даже, по выражению К. Маркса, стал этическим критерием оценки человека — вряд ли человек, не отдавший взятые в долг деньги, будет считаться порядочным. Некоторые весьма распространенные чувства и человеческие отношения получили развитие именно в это время, например, Г. Зиммель связывает жадность с распространением денежных отношений, накопления и капитализма (поскольку только денежный мир дает такую потребность — потребность в деньгах, которая не имеет никаких пределов насыщения в отличие от любой натуральной потребности). Отношения рабства стали изобретением нового времени с точки зрения Н. И. Зиберера, именно португальцы еще в XVI веке, открыв экваториальную Африку, наладили работоторговлю как экономически выгодный промысел, применив капиталистическую рационализацию.

Само занятие экономикой, считавшееся недостойным человека благородного происхождения, постепенно стало общественно признанным: если средневековому рыцарю богатство достойно было завоевать, отнять, получить как наследство или вознаграждение за службу своему королю, то в новое время «take money» стало правилом хорошего тона — путешественнику, приехавшему из Франции XVIII столетия в более продвинутую в экономическом смысле Англию, это отличие резко бросалось в глаза. Итак, постепенно, где свой, где чужой, разобраться стало невозможно, поэтому отношение к своим как к чужим стало этической нормой, именно это Л. Brentano называл началом капитализма.

Но время модерна — это не только экономика, существующая сама по себе, экономика не просто дифференцировалась от общества, но постепенно стала господствующей над всеми другими областями общественной жизни, экономика стала базой, которая определяла всю надстройку. В реальной жизни наступило время «экономического материализма», для того времени учение Маркса было действительно верным.

Причем цели экономики могли отличаться от целей общества, развитие экономики могло привести и приводило к упадку общества или торможению его развития. Например, Португалия в погоне за американским золотом, большими прибылями от внешней торговли и колонизацией полностью растратила все силы нации, вскоре уступив место Англии, а затем и совсем сойдя со сцены мировой истории. (Только огромный акведук в Лиссабоне, построенный во времена былого богатства и настолько большой и прочный, что сумел выдерживать все землетрясения, одиноко напоминает о тех днях, когда золота португальцы не считали. Интересно отметить, что кроме золота и работоторговли, громадные обороты внешней торговли Португалии были основаны на таких казавшихся бы незначительных вещах как пряности и шелк. Разве нельзя было Европе

обойтись без них? Оказывается, пряности были необходимы — как основное средство хранения мяса в жарком климате, а шелк позволял благородным европейцам, еще не сильно озабоченным применением мыла, избавляться от вшей и других подобных маленьких животных.) Чуть позже Англия в погоне за прибылью от разведения овец и производства шерсти не задумываясь пожертвовала культурой и традициями крестьянского общества, как говорил Маркс: «овцы съели людей», и в действительности, в целях экономики социальная ткань прежнего общества была разрушена.

Постепенно политика становилась, как правильно указывал один известный революционер, «концентрированным выражением экономики», она теперь отражает интересы и следует целям крупного капитала. Там, где есть реальная опасность для экономики капитала, правительства без колебания идут на любые, даже вполне недемократические меры, в конце концов, когда вложения капитала в другие страны к началу XX столетия стали нешуточными, защищать их пришлось весьма жесткими мерами — война стала продолжением политики защиты интересов капитала.

Культура, в средние века сформированная в Европе христианской традицией, меняет характер — становится массовой (как и индустриальное производство), буржуазной или мелкобуржуазной (копируя взгляды лидирующего класса) и денежной (отражая господство капитала). Многие культурные институты, созданные ранее, несут на себе теперь отпечаток двух экономических принципов нового времени — массовости и разделения труда. Например, образование становится массовым: ведь обществу модерна нужен человек, обладающий навыками первичной рациональности — отсюда, кстати, стремление рабочего класса к поверхностным знаниям — кружкам, запрещенной литературе и прочему. Обучение строится по принципу разделения труда между педагогами — каждый отвечает за свой предмет и свою область знаний, даже в науке время ученых-энциклопедистов проходит, наука теперь дифференцируется по отраслям (и только в самое последнее время начинают прослеживаться тенденции ее интеграции: экономическая социология — может быть, не очень удачный, но пример).

Принцип массовости охватывает и собственно социальную систему: социальная структура делится теперь по экономическому признаку — возникают классы, а прежнее сословное деление постепенно теряет свое значение. Большие массы людей теперь оттесняют элиту от управления, возникают и начинают играть решительную роль демократические институты. Но массами нужно манипулировать, поэтому создаются средства массовой коммуникации, так начинается эра масс. Разделение труда функционально теперь связано с типом социального взаимодействия, вместе с различными видами труда появляются различные виды людей, общество строится по типу различия, а не сходства, в терминологии Э. Дюркгейма органическая солидарность замещает механическую. Другие принципы организации экономики также активно преобразуют общество модерна, например, рыночные механизмы хозяйства трансформируют само общество в рыночное общество, где все имеет свою цену (есть единый универсальный инструмент оценки — деньги), все продается и покупается. Отношения между людьми строятся по принципу отношений обмена — «ты — мне, я — тебе», личность человека дифференцируется в его экономическую

функцию (в хозяйственных отношениях участники заинтересованы лишь в адекватном выполнении своих институционально установленных обязательств, например, продавец в магазине как человек вас мало интересует, важно выполнение им своих функций — хотя, как и везде, здесь возможны и исключения). Этот процесс обезличивания, то есть независимости человека от конкретных личностей, означает развитие формальной свободы и индивидуализма, являющихся неизменными атрибутами модерна.

Господство экономической системы приводит в обществе модерна и к изменению принципов движения общества, теперь уже не просто существование или воспроизводство является нормой, экономика капитала требует бешеных темпов, без этого она просто не может существовать, поэтому все силы общества теперь подчиняются не эволюционным изменениям, а развитию. Общество развивается в целях материального производства, а потребности являются лишь второстепенным моментом. Капитализм, по мнению многих, основан на постоянном накоплении капитала и расширении производства, но как возможно было достичь этого накопления — ведь капитал это не просто деньги, а большие деньги? В свое время в Европе такой источник первичного накопления был найден: все пионеры капитализма — Венеция, Португалия, Голландия, Англия — обращались к внешней торговле и колонизации, что давало быструю и большую прибыль, собственно индустриализация и развитие внутреннего производства за счет расширения потребностей населения в самих этих странах если и начинались, то гораздо позже. Накопление капитала в конце концов приводит к высокой норме производственных инвестиций — начинается развитие производства, причем без всякого учета потребностей общества, что через некоторое время обязательно приводит к кризисам перепроизводства. Если цеховой ремесленник всегда знал объем своего спроса, причем часто знал этот спрос в лицо — знал всех своих постоянных покупателей и даже, скорее всего, динамику их платежеспособности, и никогда не производил более того, что мог продать, то капиталист знает только одно — объемы производства должны расти.

Но капитализм при расширенном воспроизводстве требует реализации капитализируемой части прибавочной стоимости. Как будет происходить продажа вновь произведенных товаров и услуг, где найти покупателей все увеличивающегося количества товаров и услуг? Ведь сами капиталисты всегда ограничивают свое личное потребление, определяя большую часть своих доходов в инвестиции, а заработная плата рабочих вследствие конкуренции всегда ограничена разумным минимумом. Поэтому, как было показано еще Р. Люксембург в работе «Накопление Капитала», капитализму для своего развития требуется некапиталистическое окружение — внешние рынки сбыта, дешевой рабочей силы и природных ресурсов (в этом, кстати, с ней согласны такие авторитеты, как Ф. Бродель и И. Валлерстайн). Поэтому общество модерна — это общество, постоянно втягивающее в свою орбиту традиционные общества, без этого оно существовать не может. Но как только все некапиталистическое окружение становится капиталистическим, встают проблемы на пути существования всей системы модерна в целом.

Итак, некоторый предварительный итог: *модерн — это дифференциация социальной системы*: общественные подсистемы отделяются друг от друга, эко-

номика становится самостоятельной, одновременно подчиня себе все общество.

Является ли постмодерн продолжением тенденций модерна? Как мы уже отмечали выше, нет. Скорее всего, *постмодерн будет отражать обратную тенденцию, или де-дифференциацию*. С этой точки зрения, постмодерн напоминает то состояние общества, которое предшествовало модерну, именно так мы понимаем и утверждение И. Валлерстайна, что общество будущего века скорее всего будет похоже на общество средних веков. И с позиции экономической социологии экономика постмодерна будет вложена и подчинена социальной системе, она вернется на то место, которое ей предназначено историей.

Черты кризиса общества модерна проявились, как ни странно, прежде всего не в соотношении экономики и общества, а в сфере культуры. Конец XIX — начало XX вв. — вот яркий период, когда основные принципы модерна в культуре стали подвергаться сомнению, и вскоре кризис стал явным. Этот период, называемый в англоязычной литературе «modernism», а у нас — собственно «модерн» (что очень запутывает ситуацию), и является могильщиком культуры эпохи модерна (или эпохи современности) в целом. Что же появилось новое, что никак не укладывалось в прежние традиции культуры? Возьмем те тенденции, которые появились в то время в литературе, музыке, искусстве, архитектуре, науке.

Казалось, господство классической литературы незыблемо, но вдруг появляются такие произведения, которые ломают все традиционные каноны рациональности, меняется стиль и форма изложения (например, У. Фолкнер, «Шум и ярость»). Очень ярко проявились черты нового в музыке — на фоне рационализированной гармонии классической музыки вдруг появляется нечто совершенно новое по всем параметрам — джаз, где совершенно иная гармония, где господствует неповторимость в импровизации, где ритм иногда намеренно выпадает из механически заданного размера; свинг, где чувственность господствует над рационализацией (что, видимо, никак не укладывается в голову белого человека, задавленного веками культивируемой традицией рационализации). В живописи происходит поворот от четких образов реализма к размытым впечатлениям экспрессионизма, в архитектуре и дизайне классицизм уступает модернистским канонам — дикий необработанный материал, его структура или конструкция объявляются центром композиции, четкие прямые линии уступают место плавным изгибам и неправильным формам. В науке, особенно в математике и физике, классические каноны рушатся, уступая место теориям Эйнштейна и Лобачевского.

Что же происходит в экономике в эпоху перехода к постмодерну? Прежде всего, меняется значимость экономики, хозяйственной жизни человека и общества. Если раньше все основные силы общества были отданы экономике, то теперь эффективность экономики становится таковой, что все меньшие усилия общество прилагает для получения большего количества благ и услуг. В обществе, где уровень развития производства позволяет удовлетворять основные потребности всему населению, нарушаются основные принципы, присущие нашему представлению об экономике вообще. В современном обществе, которое Дж. К. Гэлбрейт предложил называть обществом изобилия («affluent society»), ограниченность ресурсов, всегда бывшая аксиоматическим определением эконо-

номического вообще, больше не является значимой, по крайней мере настолько, насколько это было раньше. Нарушается основной принцип стоимостной экономики — принцип эквивалентности затрат и результатов, теперь меньшие затраты ведут к большим результатам (особенно ярко это проявляется в сфере применения новых изобретений и технологии — один раз совершенное научное открытие не требует далее повторения самого процесса совершения открытия, можно просто купить патент и пользоваться изобретением). Сама экономика по своей внутренней структуре вряд ли может называться теперь индустриальной — все большее количество занятых отвлекается в сферу обслуживания или в ту область, которая теперь называется «cultural economy», то есть образование, науку, рекламу, туризм и прочее. Рабочая неделя в развитых странах имеет тенденцию укорачиваться до четырех дней, и борьба рабочего класса теперь идет в обратном направлении — за увеличение рабочей недели. Все это значит, что все меньшее количество производительного труда дает возможность существовать все большему количеству непроизводительного, меньшая часть людей, непосредственно занятая в сфере экономики, теперь может прокормить большую часть людей, не связанных с экономикой вовсе.

В эпоху постмодерна коренным образом меняется соотношение производства и потребления: общество из производительного опять возвращается в состояние потребительного. Важно то, что основные потребности населения — в питании, жилье, медицинском обслуживании, в труде, — так или иначе удовлетворяются, и более важное значение приобретают другие потребности, бывшие ранее вторичными, кстати, и сами эти потребности теперь могут регулироваться обществом с помощью рекламы и других средств воздействия на массовое сознание. Производительное общество требовало расширенного воспроизводства и высоких темпов развития, высокого уровня инвестиций. В обществе постмодерна темпы экономического роста становятся более умеренными, все большая часть прибыли не реинвестируется, а уходит в заработную плату и в налоги, с помощью которых содержится «welfare state» — государство, где развита социальная помощь и социальная защита. В производительном обществе труд, затраты труда, стоимость, прибавочная стоимость, прибыль являются основными категориями, в потребительном обществе затраченный труд и стоимость уступают место потребительной стоимости и потребительностоимостным механизмам. Например, доля затрат собственно на производство и продажу нового товара гораздо меньше, чем доля затрат на рекламу этого товара, научно-технологическую подготовку его производства, на продвижение торговой марки, кстати, основным объектом распространения является уже не сам товар, а торговая марка. Нестоимостные категории также начинают играть все большую роль в оценке; эффективности производства — теперь уже ни одно предприятие не может не учитывать требований экологической эффективности.

Новые принципы взаимоотношения экономики и общества в эпоху постмодерна особо ярко проявляются во взаимодействии экономики и политики. Начиная с 20-х годов XX века политика все больше и больше вторгается в сферу экономики и подчиняет ее целям общества, которое не довольствуется уже системой саморегулируемого рынка. Рынок, оказываясь, не обеспечивает равновесного положения хозяйства, не гарантирует полную и эффективную заня-

тость, стабильное развитие и необходимую обществу социальную справедливость. Для начала государство берет под контроль финансовую сферу, отказываясь от принципов золотостандартного регулирования и вводя институт центрального банка, но затем государство само становится крупным участником экономических отношений, обращается к регулированию с помощью ставки процента и других экономических методов экономического развития в целом. В самое последнее время мы видим, что не только национальные государства активно воздействуют на экономическое развитие: возникают новые наднациональные союзы — такие, как Европейское сообщество, — способные обеспечить дальнейшее подчинение экономики общественным целям.

В самой экономике в XX веке, проявляются весьма важные тенденции — такие первичные факторы экономики, как труд и капитал, стремятся выйти из системы чисто экономического рыночного регулирования. Бизнес стремится организовать в крупные корпорации или монополии, которые сами бы могли регулировать экономические процессы. Существование таких крупных корпораций уже строится по совершенно иному экономическим законам, опасность теперь в том, что сами эти корпорации стремятся подчинить своим целям государство. Труд, как и капитал, также организуется в крупные монополии — профессиональные союзы, которым под силу весьма решительные действия (в 1997 году мы видели, как объединенные профсоюзы автомобильных рабочих в США заставили считаться с собой и такого гиганта как «General Motors», а убытки вследствие забастовок в городах Понтиак и Оклахома-Сити составили около полумиллиарда долларов). С помощью системы коллективных договоров рабочая сила как товар выводится из сферы нерегулируемого рынка и свободной конкуренции, что приводит к тому явлению, которое Дж. М. Кейнс называл «негибкостью» заработной платы, которая не может изменяться вместе с динамикой рыночного цикла. Таким образом, и труд, и капитал выходят из-под экономического контроля, все больше подчиняясь обществу.

Конечно, надо понимать, что большинство стран не только не приблизились к состоянию постмодерна, но находятся еще в стадии традиционного общества или на этапе перехода от традиционного к обществу модерна (80% населения планеты проживает в развивающихся странах). Поэтому говорить о тотальном наступлении постмодерна еще рановато. Но если учитывать тенденции развития капитализма в Китае, Индии, России, странах Южной Америки и юго-восточной Азии, то, видимо, некапиталистическое окружение развитых капиталистических стран будет все больше и больше сужаться, следовательно, сам капитализм и система модерна в целом будут испытывать необходимость трансформации для того, чтобы выжить в новых условиях. Переход к новому обществу постмодерна осуществляется медленно и постепенно, и вряд ли цифры, процентные соотношения и экстраполяции могут подтвердить или опровергнуть наличие этого процесса, важно лишь вовремя увидеть зарождение новых тенденций и направления перемен, а остальное — дело времени.

Литература:

1. Lash S. Sociology of postmodernism. L., 1990.